

ШИШКОВ О ЛОМОНОСОВЕ:

*Чтение в «Беседе любителей русского слова»
как программный документ*

Основатель «Беседы любителей русского слога», президент Российской академии, министр народного просвещения адмирал Александр Семенович Шишков (1754–1841) был одной из центральных фигур языковых споров начала XIX в., т.н. «полемики о старом и новом слоге»¹. Широко известны и те литературные и языковедческие принципы, которые он отстаивал.

Однако сама полемика не была чисто филологической. «Дело в том, что с одной стороны – национальная модель русской культуры оказывается теснейшим образом связанной – а в определенном отношении обусловленной – резко специфической языковой ситуацией, сохраняющей типологическую константность на всем протяжении истории русской культуры; с другой же стороны – вне широкой историко-культурной перспективы факты развития языка и литературы не получают исчерпывающего объяснения. Это заставляет нас рассматривать вопрос как бы в двух приближениях: сначала в общем историко-культурном аспекте, а затем – в более историко-языковой и историко-литературной перспективе»². То есть за языковыми и литературными позициями участников полемики стояли их взгляды на развитие и состояние России и российского общества вообще.

Сам Шишков также не был ни профессиональным лингвистом, ни литератором. Его взгляды на словесность были неотделимы от общественно-политических³. Шишков говорит о единстве «славянского» и русского языков, необходимости выделения высокого и низкого слогов в рамках

русского языка, причем высокие слова – это слова «славенские»: «...язык у нас славенский и русский один и тот же. Он различается только (больше, нежели всякий другой язык) на высокий и простой. Высоким написаны священные книги, простым мы говорим между собою. И пишем светские сочинения, комедии, романы и проч. Но сие различие так велико, что слова, имеющие одно и то же значение, приличны в одном и неприличны в другом случае: воззреть очами и взглянуть глазами суть два выражения, весьма между собой различные»⁴. Шишков призывает к активному и серьезному изучению церковнославянского языка по духовным книгам для достижения успехов в словесном творчестве («...нужно знать своих слов пристойность и знаменованье. Своего языка красоту»⁵).

Это напрямую связано с борьбой Шишкова за русский дух в культуре и народе. После того, как французское Просвещение привело к французской революции, во всех влияниях и веяниях из Франции Шишков видел угрозу русской монархии, православной вере и т.д. Потому он активно сопротивляется проникновению иностранных языков, в первую очередь французского, в русский («Всякий язык обогащается другим, но не заимствованием из него слов, а тем, что, размножая наши понятия, открывает нам путь <...> извлекать из корней собственного языка своего дотоле неизвестные <...> вещи»⁶). Шишков призывает дворян отказываться от воспитателей-французов для своих детей, ибо «он (иностранец воспитатель – Г.С.) научит меня своему языку, своим нравам, своим обычаям, своим обрядам <...> я только телом буду жить у себя в родной стране моей, а сердцем и умом нечувствительно и поневоле переселюсь в чужую землю»⁷. В т.н. «духе времени» Шишков также видел французское влияние и очень агрессивно боролся за «чистоту» литературы. В тот период, когда Шишков возглавлял министерство народного просвещения, он издал цензурный устав, прозванный современниками за свою необоснованную строгость «чугун-

ным»⁸. В литературе, по мнению Шишкова обязательно должен был присутствовать воспитательный элемент. Именно поэтому он так часто обращается к молодым литераторам, «не совсем заразившихся еще сею язвою (любовью к французскому языку – Г.С.)»⁹. Про язык Шишков говорит, что это «есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения»¹⁰. А вкусу в языке он противопоставляет разум: «... всяк может заняться сочинениями и переводами не одних романов, и не в новейшем вкусе, но всяких книг не в старом, и не в новом вкусе (ибо тот и другой может быть худ), но в том единственном и всегдашнем, который одобряется разумом и здравым рассудком; ибо кто бы как не рассуждал о вкусе, но я не могу признавать его изящным, а особливо в словесности, без участия в нем ума и знания»¹¹.

Неслучайно противники Шишкова часто упрекали его в том, что в своих выступлениях Шишков часто подменял предмет обсуждения, отождествляя их литературную и языковую позицию с недостатком веры, патриотизма, верности престолу и т.д. Обвиняли Шишкова еще и в том, что он в процессе спора переходил на личности и, кроме того, часто для большей убедительности цитаты, взятые из произведений Карамзина и сильных литераторов-«карамзинистов», перемешивал в своих сочинениях с примерами из третьесортных произведений таким образом, чтобы не слишком осведомленный читатель и их счел карамзинскими¹².

Объясняется это тем, что Шишков по большей части писал не научные филологические работы, а, так сказать, литературно-общественно-политические манифесты.

Вот, например, отрывок из «Рассуждения о старом и новом слоге языка Российского»: «Что ж до того? Уж ли без знания французского языка не позволено быть красноречивым? Мало ли в нашем языке таких слов, ко-

торые французы точно выразить не могут? <...> Но меньше ли через то писатели их знамениты?»¹³.

Видно, что по стилю высказывания это скорее лозунг, чем фрагмент лингвистической статьи. Интересно сравнить его с переводом с немецкого «Краткой и справедливой повести о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах...», выполненного самим Шишковым: «Нравятся ли вам новизны? Юный ваш рейнский союз? Юное ваше блаженство? Юное ваше учреждение правительства? Нравятся ли французские законы, префекты, мэры, жандармы? Все французские тиранства, титулы, имена?»¹⁴. Или с «Рассуждением о любви к отечеству»: «Кто велит воину презирать труды, опасности и самую смерть? Кто посылает его с оторванной рукой нести в жертву и другую руку? <...> Кто удержал их на поле брани? Кто дал им твердость духа стоять против огнедышащих, смертоносных орудий?»¹⁵. Оба приведенных текста это призывные манифесты. Первый – к борьбе с завоевателем, второй – к патриотизму и любви к отечеству своему. «Рассуждение о старом и новом слоге» – тоже призыв к борьбе, борьбе на поле языка, литературы и культуры в целом.

Другими словами, практически все работы Шишкова – это манифестация как языковых и литературных, так и общественно-политических взглядов¹⁶.

С этой точки зрения показательна речь Шишкова о Ломоносове, произнесенная в «Беседе любителей русского слова».

Изначально она заявлена как восхваление писателя и стихотворца Ломоносова, чье имя «в целом свете толь известно и громко, что стыдно не знать о нем не токмо русскому, даже иностранцу»¹⁷. После небольшой биографической справки Шишков начинает разбирать оды Ломоносова, восхваляя его мастерство и умение увлечь читателя. Вот, например, восторженные слова об «Оде на прибытие ее величества великой государыни им-

ператрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Петербург 1742 года по коронации»: «Что может быть маловажнее и простее сей мысли, что Елисавета по утрам умывается водою из Невы? Но посмотрим, в какую блистательную одежду сумел облечь ее сей несравненный стихотворец»¹⁸. «Отсюда происходит, что где у посредственного певца разум при недостатке чувств кажется отвратительною лестию, или чувства при недостатке разума наскучивают единообразием, там Ломоносов волшебною силою пера своего увлекает, преклоняет, убеждает читателя равно с ним мыслить»¹⁹.

Оговаривая, что в одах дар Ломоносова раскрылся больше всего, Шишков, тем не менее, не забывает и другие жанры. «Главная сила и способность Ломоносова состояли в лирических творениях, однако и в эпических песнопениях оказал он превосходный талант. <...> Мелкие произведения его имеют также многие замысловатости и приятности»²⁰ и т.д.

Таким образом разбирает Шишков и другие произведения Ломоносова, описывая, как силен его язык, красив стиль и т.д. Однако, как уже было сказано, Шишков не может ограничиться только эстетическим восприятием произведений Ломоносова и потому уходит в традиционные рассуждения. Во-первых, Шишков не обходит стороной то, что для достижения успехов в литературе необходимо много трудиться, обязательно заниматься науками и, в первую очередь, изучением языка. Подчинение языка рассудку и умение отличать высокий и низкий слоги – одни из основных идей «Рассуждения о старом и новом слоге...»: «Вот таинство стихотворства! Оно состоит в том, чтобы с плодовитым воображением, благородною душою иметь обогащенный познаниями ум <...> знать язык свой и говорить им просто, ясно, чисто, величественно. Для достижения сего потребны природное дарование, любовь к истине, к наукам, к добродетели <...> разборчивость разума в силе и приличии, чувствительность уха в произно-

шении слов и, наконец, пламенное чувство, обуздываемое строгостью рас-судка»²¹.

Не забывает Шишков связать прекрасный язык Ломоносова и с любовью к отчеству, так как положительный персонаж обязательно должен обладать этой чертой: «Итак, мы видим, что в Ломоносове дар стихотворца изощрен науками, утвержден трудолюбием, обогащен знанием языка своего, соединен с любовью к отчеству, с усердием и верностью к престолу, с благоговением к вере. Таков должен быть писатель!»²². Это вообще очень показательный фрагмент. В нем в приложении к литературно-эстетической позиции Шишкова проявляется и общественно-политическая. Описывая с литературной точки зрения Ломоносова, Шишков переходит к наставлению молодежи, объясняя ей, каким должен быть хороший писатель. Шишков заключает этот пассаж громким манифестом: «Да погибнет разум без благонравия, мудрость без правды, дар слова без честности, острога ума без добродушия!»²³. Получается, что собственно литературное мастерство – «дар слова» – оказывается ненужным само по себе («без честности»), тем самым Шишков еще раз доказывает, что литература и язык для него – средства манифестации и реализации своих общественно-политических воззрений. В конце своей речи Шишков опять обращается к молодым литераторам, заканчивая это обращение опять же громким лозунгом: «(Ломоносов – Г.С.) должен быть образцом учащемуся красноречию юношеству, руководствуемое им, оно может прийти туда же, где он, в святилище наук, в храм славы; <...> Да не умирают никогда между нами Ломоносовы! Ибо без помрачения ума, без оскудения знаний, без упадка языка и словесности, они умирать не могут!»²⁴.

Так кончалась речь Шишкова в «Беседе...», однако позже при публикации статьи в «Собрании сочинений и переводов адмирала Шишкова» к ней было добавлено «Присовокупление». Сам факт наличия такого допол-

нения очень демонстративен. Он еще раз доказывает, что описание мастерства Ломоносова слишком серьезный повод высказаться вообще. Поэтому в печатном виде Шишков решил продолжить свои рассуждения²⁵. Формально он отвечает всем тем, кто незаслуженно ругает Ломоносова, на примере некоего г. Критика. Однако, как будет видно дальше, это в еще большей степени превращает работу в программный документ.

Начинается «Присовокупление» с пространного размышления о словесности в России вообще: о ложном и правильном в ее понимании. «Нельзя не удивиться превратному понятию о Словесности многих нынешних писателей и читателей. Вместо того, чтоб пользоваться предшествовавшими нам творцами, <...> начинаем хулить старое и хвалить новое», что «ведет нас не к чести и славе, но к открытию <...> нашего самолюбия и наших заблуждений»²⁶.

Дальше идет собственно диалог с критиком. Причем в некоторых местах это действительно ответ на не очень удачные его замечания. Однако в большинстве случаев Шишков делает все то, за что его всегда упрекали противники: переходит на личности, отвечает не по существу на замечания, подменяет предмет обсуждения, уходит далеко в сторону от непосредственного ответа критику и т.д. «Хотя бы г. критик и не слышал о весьма известно покушении мореплавателей наших открыть через север путь в Америку, то бы из последних сей строфы стихов

Колумб российский через воды
Спешит в незнаемы народы²⁷

мог догадаться, что здесь говорится о бывшей экспедиции Чичагова»²⁸.

Вот еще одно рассуждение по поводу той же оды Ломоносова.

«Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам.

Критик рассуждает: «стихи не очень щасливы (почему? Где доказательства того?) *запона* ныне не употребляется» (где не употребляется? В разговорах. Но разве книги запрещено читать? Слово *запона* было и во времена Ломоносова не больше употребительно, как и ныне; но он не усомнился поставить его. Отсель заключить должно, что он рассуждает о словах не по одной только наслышке из народных разговоров, но по силе значения их в языке и приличия в слоге. Язык и книги показали ему, что от глагола *запинаю* произошли имена *запон*, *запонки*, *запона*. Первые два: общенародные, *запон* у повара, у кузнеца и проч. (заменяемое иностранным словом *фартук*); *запонками* застегиваются; *запона*, меньше общенародное для того, что вместо обыкновенно употребляют слова: *занавес*, *занавеска*. Ломоносов в сем последнем смысле должен был избрать слово. Он избрал именно меньше употребительное *запона*, оставив больше употребительные и потому самому в важном слоге меньше приличные: *занавес*, *занавеска*. Из сего явствует, что суд Ломоносова о словах основан был на рассудке; он оценил слово по коренному его значению, а не просто понаслышке от частого упоминания в обыкновенных разговорах. Сверх того, вероятно, он думал; мешает ли языку изобилие слов, хотя и то же значащих, однако ж одно от другого отличающееся важностию и простотою? <...> Мы бы не распространялись так много об одном слове, ежели бы не почитали за нужное показать, что суждение Ломоносова о слоге было, по видимому, весьма различно с суждением многих нынешних писателей и критиков»²⁹.

В этом фрагменте опять же отчетливо видно, как Шишков по поводу одного замечания критика высказывает практически все свои мысли и убеждения вообще: и то, что хороший писатель должен изучать «язык и книги», и необходимость различать и чувствовать высокий и низкий слог, причем слова высокие не могут быть заимствованными, разговорными, они

должны идти от церковнославянских корней. В самом конце Шишков опять же обращает внимание на некомпетентность «многих современных писателей и критиков».

Кончается «Присовокупление» и вся публикация пространным размышлением о воспитании, обучении и пр.: «... любя язык свой и видя неправые его [критика – Г.С.] о нем суждения, почитаю долгом предостеречь молодых людей, чтобы они не имели святой доверенности к мнимым квинтилиянам, которые тем больше могут быть вредны, что одарены некоторыми талантами. <...> Ничто не приносит столько вреда языку и словесности, как распространение ложного мнения, что прежний язык наш был худ, труден для простого слога, и что потому надлежит истребить из него все важные, по их названию, славенские слова, и везде заменить их обыкновенными, простыми, которые называют они русскими словами <...>. Должно ли силу и достоинство языка разрушать для того, чтобы повесть оные под ограниченность знания писателей? Должно ли писателям самим верить и почитать их законодателями в языке?»³⁰.

Дальше Шишков рассуждает о том, что большинство современных ему учителей словесности сами ее не знают и не могут различать высокие и низкие слова: «Чему научат они учеников своих? Мне кажется столько не хорошо сказать о ней [России – Г.С.] *сидит*, как о курице: *съдит на яйцах*; столько ж худо в важном слоге произносить *возлегиши локтем на Квказ* (вместо *лактем*), сколько в простой речи сказать: *ударь его по локтю* (вместо *локтю*). Вот трудности языка нашего <...> непреодолимые для тех писателей, которые через чтение священных книг не утверждают себя в нем.

По истине, если бы мне какой поселянин сказал, у нашева барина много этаких сібл, я бы продолжил с ним разговаривать, но если бы Ломоносов написал:

Железо браней да не знает,

Служа в труде безмолвных сібл³¹,
то я не стал бы его далее читать!»³².

Интересно: этот фрагмент начинается с того, что Шишков объясняет, почему он не может не высказаться по поводу «неправых суждений» о русском языке, отходя от заявленной темы «Присовокупления» – ответить критикам Ломоносова. То есть собственно Ломоносов отходит на второй план. Более того, появляются размышления о современном воспитании, о том, как надо учить русскому языку, что незаслуженно предают забвению «славенские» слова, что писатели не различают высокого и низкого слогов, не хотят изучать родной язык и т.д. Из всех этих позиций с разговором о Ломоносове связано только неразличение высоких и низких слов, все остальное практически не имеет отношения к изначальному предмету «Чтения...».

Ну и конечно, Шишков не может оставить манифестацию своих позиций без мощного финального аккорда, которым, в общем, и должен кончаться манифест³³. Даже и самого Ломоносова, который является абсолютно положительным примером писателя, автор не стал бы читать, если бы он не различал высокого и низкого слова. В общем, это еще раз доказывает, что красота слога для Шишкова категория не субъективно-эстетическая, а определенная жесткими правилами.

На примере «Чтения...» отчетливо видно, что Ломоносов и его поэтический талант для Шишкова являются лишь поводом высказаться на филологические темы, как то: современная литература, современная критика, состояние и перспективы русского языка, отношение русского и «словенского» языков, иноязычные заимствования и т.д. А также и на некоторые социальные темы: обучение и воспитание в России, проблемы веры и патриотизма. Таким образом, эта статья демонстрирует общий прин-

цип построения работ Шишковым, который всегда и во всех случаях высказывался сразу по всему комплексу своих взглядов и очень часто увлекался такого рода смешением предметов обсуждения; получалось, что он обвиняет своих оппонентов в том, чего из их филологических высказываний не следовало.

¹ А в какой-то момент он был и самой яркой фигурой в этих спорах: «Как известно, Карамзин демонстративно уклонялся от языковой полемики, а те, кто в 1802–1803 гг. стоял под его знаменами, не были способны достойно ответить на выступления Шишкова» (*Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры: («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка»: – Известное сочинение Семена Боброва) // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. II. Язык и культура. М., 1996. С. 434).

² Там же. С. 413. Другие исследователи (например, Г.О. Винокур) считают, что эта полемика вообще не имела значения с точки зрения лингвистики. «Но собственно в истории языка вся эта знаменитая полемика не имела почти никакого значения. Интерес ее не лингвистический, а гораздо более широкий, мировоззрительный» (*Винокур Г.О.* Русский язык: Исторический очерк // *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 93).

³ Это отмечают многие исследователи. См., например, высказывание А. Минакова: «Ломка языка, с его точки зрения, неизбежно вела к размыванию того, что ныне назвали бы национальной ментальностью – основ веры, традиций, устоев, наконец, самой монархической государственности. Язык выступал в понимании Шишкова как субстанция народности, квинтэссенция национального самосознания и культуры» (*Минаков А.* Идеология самодержавия: Воззрения русских консерваторов первой четверти XIX века // Русское воскресенье: Православное обозрение. Режим доступа: <http://www.voskres.ru/idea/minakov.htm>, свободный).

⁴ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка А.С. Шишкова. Berlin, 1870. С. 215.

⁵ *Шишков А.С.* Прибавление к сочинению, называемому Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова: В 17 т. СПб., 1818–1839. Т. 2. С. 388.

⁶ *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова: В 17 т. СПб., 1818–1839. Т. 2. С. 2.

⁷ *Шишков А.С.* Рассуждение о любви к отечеству. СПб., 1812. С. 45–46.

⁸ Стоит отметить, в связи с этим, что вообще о деятельности Шишкова на посту министра народного просвещения даже его сторонники отзывались сдержанно. Например, большой поклонник Шишкова С.Т. Аксаков писал об этом периоде: «Что касается до управления министерством народного просвещения, то я не беру на себя судить об этом. Шишков, может быть, слишком односторонне смотрел на предметы и везде проводил свои убеждения, благие и честные в основном, но уже устаревшие, или, потерявшие свою важность. Время шло быстро. Шишков не всегда это замечал, и, живя в прошедшем, никогда не видел потребности настоящего» (*Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М., 1966. С. 299).

⁹ *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге... С. 30.

¹⁰ Шишков А.С. Рассуждение о любви к отечеству. С. 48.

¹¹ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка А.С. Шишкова. С. 346–347.

¹² См. об этом: *Проскурин О.А.* У истоков мифа о «новом слоге»: Кого и зачем цитировал адмирал Шишков в «Рассуждении о старом и новом слоге Российского языка» // *Проскурин О.А.* Литературные скандалы Пушкинской эпохи. М., 2006. С. 19–46.

¹³ Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге... С. 45.

¹⁴ Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпаниею и Россиею, о истреблении войска его и о важности нынешней немецкой войны // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова: В 17 т. СПб., 1818–1839. Т. 10. С. 284.

¹⁵ Шишков А.С. Рассуждение о любви к отечеству. С. 40–41.

¹⁶ Интересно сравнить работы Шишкова с литературными манифестами западноевропейских романтиков, пишущих приблизительно в то же время (например, П.Б. Шелли, У. Вордсворта, Р. де Шатобриана и т.д.). Однако особенно близки работы Шишкова немецким романтикам, которые активно занимаются изучением своего культурного прошлого: древнегерманского языка, народной литературы, мифологии. Так, Л. Тик в письме В.Г. Вакенродеру от 28.12.1792 пишет о необходимости изучения народной литературы: «Искушенным читателям, право же, не следует иронизировать по поводу тех народных романов, которые продают на улицах по два гроша, ибо «Роговой Зигфрид», «Дети Хеймона», «Герцог Эрнст» и «Генофефа» имеют куда больше истинной выдумки и написаны несравнимо чище и лучше, чем иные популярные модные книги. Если же читатель не хочет поверить мне на слово, то пусть он сам прочитает эти плохо отпечатанные и презираемые истории, и если вкус его еще не окончательно загублен, то он наверняка предпочтет эти народные книги» (Манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 119). А Г. Форстер в «Разговорах о поэзии» говорит о том, как надо создавать современный немецкий язык: «Немцы (...) следуют образцам, которые дал Гете: они исследуют первоначальные формы искусства, возвращаются к истокам своего языка и поэтического творчества, возрождают древнюю силу, освобождают высокий дух, который невидимый дремлет в документах отечественной старины. Так (...) рождается новая поэзия, которая ни у одной современной нации не была столь глубокой наукой истинных ученых и прекрасным искусством изобретательных поэтов» (Там же. С. 62–63).

В работах немецких романтиков также много говорится о том, что качественное немецкое искусство это плод влияния его истории. «Недостойно современного человека жить, как попрошайка, на подаяния предшествующего века (...). Необходимо не искусственное подражание внешним формам, а усвоение» (*Шлегель Ф.* О значении изучения греков и римлян // Там же. С. 47). Интересно, что и они тоже призывают к борьбе с новомодным вкусом, идущим из Франции. Л. Тик в том же письме В.Г. Вакенродеру пишет: «Что бы ни кричали тупицы, «Разбойники» – великая пьеса, я восхищаюсь ею тем более, чем более ее понимаю, а кто ее не понимает, тот пусть наслаждается Кларой фон Хоэнайхен, тот пусть питается желудями французских пьес, не для него писали Шиллер, Шекспир и Гете». Ср.: «Искусство покоится на знании, и наукой искусства является история. Из поверхностных абстракций, умствований, из ошибочного представления о старине и посредственного таланта во Франции возникла обширная и связанная система ложной поэзии, которая основывалась на такой же ложной теории поэтического искусства; и отсюда почти во все страны Европы распространилась эта (...) болезнь, так называемого хорошего вкуса (...).» (*Форстер Г.* Разговоры о поэзии // Там же. С. 62).

¹⁷ Шишков А.С. Ломоносов: Чтение в беседе любителей русского слова // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова: В 17 т. Т. 9. СПб., 1827. С. 301–302.

¹⁸ Там же. С. 312–313.

¹⁹ Там же. С. 311.

²⁰ Там же. С. 340, 349.

²¹ Там же. С. 315–316.

²² Там же. С. 339.

²³ Там же. С. 340.

²⁴ Там же. С. 350–351.

²⁵ Нельзя не вспомнить, что при публикации в «Собрании сочинений и переводов...» «Рассуждения о старом и новом слоге...» Шишков добавил туда комментарии на два критических высказывания о его произведении. Причем эти критические письма были написаны им самим для того, чтобы еще ярче и полнее обосновать свои идеи.

²⁶ Шишков А.С. Ломоносов: Чтение в беседе любителей русского слова. С. 352–353.

²⁷ «Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года».

²⁸ Шишков А.С. Ломоносов: Чтение в беседе любителей русского слова. С. 360. Стоит отметить, Шишков опускает тот факт, что Ломоносов описывает не «бывшую», а будущую экспедицию капитана Чичагова, она состоялась уже после его смерти в мае 1765 года. Подробнее см.: Львович-Кострица А.И. Михаил Ломоносов: Его литературная жизнь и деятельность // Биографическая библиотека Флорентия Павленкова. Режим доступа: www.ssga.ru/erudites_info/peoples/lomonosov/index.html, свободный. Шишков часто опускал или несколько изменял факты для достижения большей яркости и убедительности своих выступлений.

²⁹ Шишков А.С. Ломоносов: Чтение в беседе любителей русского слова. С. 358–359.

³⁰ Там же. С. 364–366.

³¹ «Ода на день восшествия на престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года».

³² Шишков А.С. Ломоносов: Чтение в беседе любителей русского слова. С. 367–368.

³³ Ср., например, с финалом «Манифеста футуризма» Ф. Маринетти: «Поднимите голову! Гордо расправив плечи, мы стоим на вершине мира и вновь бросаем вызов звездам!» (Цит. по: Манифест футуризма. 1909 г., Италия, Филиппо Маринетти // Первое сентября. 2001. № 28. Режим доступа: <http://ps.1september.ru/2001/28/7-3.htm>, свободный).